

XX 26
33

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЖУРНАЛ

НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА

№ 6

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА
МОСКВА 1929

Туркестан и царская Россия.

(К вопросу о характере колониальной политики царского правительства в Средней Азии).

Средняя Азия была типичной колонией царской России. Проследить колониальную политику здесь, это значит наметить общие черты колониальной политики царизма вообще. Но колониальная политика России это область, изучение которой в настоящее время еще только что начинается. Ставить вопрос во всей его широте не настало время. Данная статья, поэтому, рассматривается автором как пробная постановка вопроса, подлежащая обсуждению и проверке.

На Средней Азии в эпоху русского господства скрестились троякого рода противоречия: во-первых, противоречия международные; во-вторых, противоречия между отдельными группами русских господствующих классов; в-третьих, противоречия между классовыми группировками поработанных народностей.

Чтобы уловить основные штрихи колониальной политики царизма, чтобы, во-вторых, из этого вывести характеристику тех противоречий, которые возникли и развились в результате русского господства, для этого нужно найти и изучить основное в указанных трех группах противоречий.

Проследить их в том порядке, в каком они перечислены, и будет задачей нашей работы.

Первая группа противоречий — противоречия международные. В основном это — соперничество между Россией и Англией. «Вся история завоевания Средней Азии от похода Перовского до занятия Мерва в 1884 году неразрывно переплетается с русско-английским конфликтом»¹⁾. Дыхание русско-английских отно-

¹⁾ М. Н. Покровский. — «Марксизм и особенности исторического развития России», изд. 1925 г., стр. 120.

шений, добавим к этому, не покидает и потом Среднюю Азию вплоть до самой Октябрьской революции, т.е. до конца русского господства.

Подробно рассказывать здесь о всех изгибах русско-английских отношений, как они проявились на Средней Азии, это значило бы вообще писать очерк истории внешней политики царизма. Это требует большой работы. Сужаем, поэтому, свою задачу до последнего предела. Скажем только, что было внесено этими отношениями во внутреннюю колониальную политику.

Продвижение в Среднюю Азию преследовало двоякую цель. С одной стороны, русские господствующие классы были заинтересованы в превращении Туркестанского края в колониальное владение России. Постоянное же соперничество с Англией заставляло, с другой стороны, закрепляться здесь все больше и больше на случай войны с последней.

Это стремление закрепиться, вытекавшее, в основном, из соображений политики международной, как раз и вносило очень важную и интересную струю в колониальную политику в Средней Азии.

Край считался особенно уязвимым звеном во всей системе русской самодержавной монархии. Там, где собирались воевать с Англией, должно было быть обеспечено полное спокойствие, «безопасность тыла». А отсюда и мероприятия.

С первого дня завоевания и до самой революции 1917 г. весь Туркестанский край состоял на положении усиленной охраны. В отдельные же промежутки времени весь край или его части об'являлись на положении чрезвычайной охраны: даже слабое оживление национально-освободительного движения очень пугало. Самодержавие оборонялось.

В связи с этим сохранялся военный аппарат власти, и край все время русского господства был под властью военного министерства. Край в буквальном смысле этого слова был под военным сапогом. Любой чин администрации, в силу положения об усиленной охране, имел право административного взыскания: штрафы и аресты. В то же время широко практиковалась административная высылка не только людей, замешанных в чем-либо революционном, но и просто недовольных, имевших смелость подавать жалобы высшим властям на безобразия низших.

Легко понять, что весь этот сугубо тяжелый административный гнет лежал колоссальной тяжестью на развитии всех сторон

хозяйственной и общественной жизни края. «Общественные потребности»... ..«тормозились изжившими себя учреждениями» (Энгельс). В данном случае лучше бы сказать просто «негодными» учреждениями, ибо для Средней Азии не было такого периода в русском господстве, когда бы русские учреждения хотя бы на минуту соответствовали общественным потребностям края.

Так стоит вопрос с государственной властью и административным зажимом. Но здесь же по этой линии противоречий цепляется и другое звено колониальной политики царизма, это — политика переселенческая. И тогда, когда в России русский помещик категорически стоял против какого бы то ни было переселения на окраины русских крестьян, и в XX веке, когда тот же помещик был категорически за переселение, в Средней Азии стоял вопрос, чтобы закреплять русское господство насаждением крепких по достатку русских поселений. Они должны были размещаться и размещались по стратегическим дорогам. А в XX веке мечты колонизаторов простирались даже до того, чтобы в каждой туземной волости были русские поселения и чтобы всю туземную волостную и сельскую администрацию заменить русскими кулаками-поселенцами.

Ярче же всего этот «охранительный» мотив русской колонизации сказался на том факте, что русские поселки, начиная с 1892 года, вооружались винтовками.

Этот вопрос разработан пишущим эти строки в брошюре: «Вооружение русских переселенцев в Средней Азии»¹⁾, но здесь необходимо в эту работу внести довольно крупные поправки. Там вопрос о вооружении в общем и целом рассматривался как звено, целиком вытекавшее из политики внутренней. Была отмечена, правда, некоторая связь и с политикой внешней, но подчеркнута эта связь совершенно недостаточно. Вот даты, которые покажут эту недостаточность. Вооружение происходило с 1892 по 1908 г. В 1908 г. началось разоружение и длилось оно до 1911 г. С 1911 по 1914 г. — опять вооружение, а в первый и второй годы войны запас винтовок, предназначенный для поселенцев, изымается и куда-то увозится.

Наивысшая точка вооружения за весь этот период — 1903 г. Это был год, когда собирались вооружать не только взрослых мужчин, но даже подростков и женщин.

¹⁾ Ташкент, 1926 г.

Между тем, даты наивысшего под'ема национально-освободительной борьбы это: 1898 г., 1908 г. и 1916 г. Не может быть случайным такое несовпадение дат вооружения поселков и дат под'ема движения, если бы вооружение определялось в первую очередь соображениями политики внутренней.

Но вспомним даты изгибов политики внешней, и вопрос разъясняется. Период с начала 90-х годов и до 1907 г., т.-е. до разграничения русских и английских интересов в Средней Азии — это период очень напряженных отношений между Россией и Англией, и мы имеем в Средней Азии в рамках тех же дат вооружение переселенцев, причем наивысшая точка этого вооружения падает на канун русско-японской войны 1904 года.

Период с 1911 и по 1914 г. был периодом подготовки мировой войны; готовили к войне и Туркестанский край. Но война не коснулась границ Средней Азии. Военные годы, поэтому, дают разоружение.

Нет, таким образом, никаких сомнений, что поскольку колониционная политика обслуживала потребность русского самодержавия обеспечить себе полное спокойствие в Сред. Азии на случай войны на ее границах, постольку она непосредственно была связана с царской внешней политикой.

Итак, первый узел противоречий, противоречий международных, скрестившись над Средней Азией, давал в итоге для этой последней усиленную заботу царского правительства об абсолютном «спокойствии» туземного населения. Колонизация, поскольку она была колонизацией для создания опоры русским властям, и исключительный административный зажим — вот основные два звена политики, вытекавшие из этой усиленной заботы. И то и другое, между тем, было большим бедствием для края. Из забот о «спокойствии» вырастали противоречия, ведущие к революции.

Если мы теперь возьмем за исходную точку наших дальнейших рассуждений оставленный нами выше без разбора мотив первый продвижения русских в Среднюю Азию, то мы вплотную подойдем ко второму звену противоречий, противоречий между отдельными группами русских господствующих классов.

Спор о том, в чьих интересах занята была Средняя Азия, подымать не будем. Остаются бесспорными два положения, из которых будем исходить в дальнейшем изложении. Первое — это ленинское положение о том, что расширение территории царской России, увеличение возможностей для развития капитализма

вширь, ослабляло «противоречия между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельском хозяйстве»¹⁾. Превращение еще одного нового обширного края в колонию России было поэтому, прежде всего, в интересах всей системы крепостничества и крепостнического самодержавия.

И второе — это неоспоримый факт, что власть царская, виды: укажем, например, на шелк, кожи и т. д. Цифровое выражение власти эпохи завоевания и эпохи колониального господства России в Средней Азии, была властью помещика и торгового капитала и ни в коей мере не властью капитала промышленного.

Поэтому и завоевание, и сама колониальная эксплуатация края потом должны были носить и носили прежде всего торгово-капиталистические черты. Нам и предстоит рассмотреть характер этой эксплуатации и вопрос о борьбе вокруг нее капитала торгового и капитала промышленного.

Колониальная эксплуатация края в основном складывалась из следующих трех звеньев: первое — эксплуатация торгово-ростовщическая через скупку сырья, продажу фабрикатов и ростовщичество, второе — эксплуатация через государственный аппарат власти и третье — эксплуатация путем изъятия уже обработанных и орошенных земель для поселения русских переселенцев.

Основным сырьем, которое получали из Средней Азии для русской промышленности, был хлопок, но были и другие его виды: укажем, например, на шелк, кожи и т. д. Цифровое выражение отношения хлопка и проч. видов сырья для 1914 года будет следующее: в этом году вывезено из Средней Азии в Россию и сопредельные страны хлопка, хлопковых семян и др. продуктов хлопководства на 235,8 милл. руб., прочих товаров на 65,9 милл. руб.

Эти цифры достаточно ярко показывают, что когда мы говорим о скупочных и ростовщических операциях русского торгово-ростовщического капитала в Средней Азии, то это, прежде всего и по преимуществу, относится к операциям по скупке хлопка и по кредитованию хлопкового хозяйства. Но совершенно ясно, что мы здесь же должны сделать оговорку, что, поскольку хлопок был не единственным сырьем, постольку не было принципиальной разницы между скупочными и ростовщическими операциями там, где было хлопководство и там, где этого хлопководства не было. Здесь есть количественное различие: русский

¹⁾ В. И. Ленин. — «Развитие капитализма в России», Моск. Раб. 1923 г. стр. 420.

торгово-ростовщический капитал в кочевые районы проникал слабее, чем в районы хлопководческие, но качественно различия здесь незначительны. Отсюда и иллюстрировать роль этих скупочных и ростовщических операций легче всего и короче всего на хлопководстве.

Итак, были скупочные и ростовщические операции. Совершенно ясно, что здесь нет возможности заниматься подробным описанием тех вопиющих фактов, которые иллюстрируют хищнические безобразия в области этих операций. Должно сказать, что сбор материалов по этому вопросу начался давно, и в этом отношении довольно много сделала русская буржуазия. Ее недовольство хищническим хозяйничанием в Туркестане торгового капитала было этому причиной. Всяк, кто был настроен либерально и пописывал о Туркестане в либеральном духе, старался выставить напоказ это хищничество¹⁾. Поэтому о безобразиях мы имеем большой печатный материал. О них рассказывать не приходится. Для нас здесь существеннее не сторона описательная, а анализ тех противоречий, которые крылись за этими безобразиями. Но сначала о другой стороне операций русского торгового капитала.

Эта другая сторона — продажа фабрикатов. В основном это были текстильные изделия. Для того же 1914 г. общий ввоз из России в Среднюю Азию расценивался в 271,28 милл. руб. В том числе изделий текстильной промышленности ввозилось на 114,48 миллионов руб., что составляло 42,2% общего ввоза.

Совершенно естественно ожидать — да так оно и было — что эти две функции: скупка сырья с одной стороны и продажа фабрикатов, с другой — очень близко сплетались между собой. Одни и те же торговые фирмы и скупали сырье и продавали фабрикаты, причем и продажа фабрикатов производилась теми же хищническими методами, какие практиковались при скупке сырья. Сюда же вплеталось и кредитование. Общеизвестен факт, что кредитование сплошь и рядом производилось не деньгами, а фабрикатами. При этом, фабрикаты ссужались по повышенной расценке, а рядом скупались у взявших ссуду агентами той же кредитующей фирмы по удешевленной расценке. Это сильно повышало ростовщический процент на ссуду.

1) Писалось, впрочем, об этом иногда и в таких документах, которые выходили далеко не из под либерального пера, напр., «Ревизия» Палена, но мотивы здесь были совершенно другие.

Сущность вопроса, таким образом, сводится к следующему.

Оперируют русские торговые фирмы, с одной стороны, как посредник между потребителем русских фабрикатов и русскими фабрикантами, как посредник по продаже изделий русской промышленности, а с другой — тоже посредник по скупке сырья и перепродаже этого сырья той же промышленности. И по той и по другой линии к Туркестану — колонии обращено хищническое лицо этого посредника...

Но тут нельзя забыть также и того обстоятельства, что во всей системе торгово-ростовщической эксплуатации Туркестанского края русские торговые фирмы были не одиноки. В Туркестане они представляли господствующую верхушку всего совокупного эксплуататорского аппарата торгового капитала, а внизу их руками, их агентом был туземный торговый капитал.

Точно также нельзя забывать и о роли русских банков, которые, особенно в XX веке, ссужали свои капиталы торговым фирмам и за это получали солидную «мзду», доходящую до 10% на ссуженные суммы. Здесь была двусторонняя спайка — от фирм вверх, к банкам и от фирм же вниз к туземному торгово-ростовщическому капиталу.

Но из этих торгово-ростовщических операций вытекало несколько таких основных противоречий, вокруг которых и шла борьба между торговым капиталом и капиталом промышленным. Здесь были две линии борьбы.

Первая. Тяжелейшие пути торгово-ростовщической эксплуатации в комбинации с другими видами эксплуатации, о которых еще будет речь дальше, совершенно остановили развитие техники сельского хозяйства края. Это иллюстрируется следующими данными: мертвый инвентарь у узбеков Чимкентского у. составлял только 3,9% стоимости всего имущества, у их соседей киргиз — та же цифра, тогда как у живших рядом русских переселенцев — 22,6%.

Соотношение личных и хозяйственных расходов по бюджетам хлопкоробов Андижанского у. Ферганской обл. было следующее: личные — 63,5%; хозяйственные — 36,5%.

Стоимость инвентаря среднего оседлого хозяйства по вычислениям ревизии Палена была следующая: без чигиря (туземное приспособление для под'ема воды) — 48 р. 90 к., с чигирем — 73 р. 90 к. Годовое погашение в первом случае — 40 к. и во втором — 90 к.

Но этот вопрос в данном случае несколько побочный. К нему еще вернемся в иной связи. Здесь же это только подводит нас к вопросу о характере развития хлопководства. Хозяйство в силу тяжелейшей эксплуатации не могло в своем развитии повышать свою технику, не могло, конечно, также за счет собственных накоплений расширять площадь орошенных земель под хлопок. Происходило использование тех орошенных земель, которые уже были в Средней Азии до прихода русских. На этих орошенных землях и развивалась такая интенсивная культура как хлопок.

Хлопководство развивалось очень быстро, но это развитие было в то же время приближением к катастрофе.

Уже в начале 900-х г.г. некоторые туркестановеды забили тревогу, что если так пойдет дальше, то недалек тот момент, когда хлопководство в своем развитии совершенно остановится. 30—33% посевной площади под хлопок по требованиям агрономии уже конечный предел, дальше которого идти нельзя, ибо дальше начинается хищническое истощение почвы. Хлопководство Туркестана быстро катилось к этому пределу, в некоторых же наиболее передовых районах уже давно за него перевалило, а перспектив расширения площади орошенных земель не было.

Поставлен был вопрос об орошении новых земель, вокруг которого и развернулась борьба. Торговый капитал не считал возможным окончательно реорганизовать хлопковое хозяйство, заменить мелкого хлопкороба крупными хлопковыми фермами с большими вложениями частного капитала в орошение, ибо это подрывало его господство в крае. С другой стороны, промышленный капитал заботился о том, чтобы орошались земли возможно скорее и возможно больше. Он стоит за широкое привлечение к этому делу частного капитала. В это же время капитал торговый доверяет только государству. Он стоит за то, чтобы орошение производилось за счет государственных сумм. Сразу же выявляются две линии по вопросу об орошении земель. Одна линия — орошать нужно, но орошать государственными капиталами, другая — орошать нужно, но не за государственный счет, а за счет привлечения частных капиталов. В конце концов побеждает средняя: орошать и за счет государства, и за счет капиталов частных.

Сделанные в этих спорах предсказания буржуазии, что государство не сумеет что-либо сделать в этом отношении, сбылись

на все 100%. Кроме начатой еще в 70-х годах Голодноостепской системы и очень неумело построенного сооружения в так называемом Государевом имении на Мургабе, больше ничего не было сделано. Но малы результаты были и по второй линии. Сначала частный капитал не шел, а потом, когда с 1910 года он, наконец, начал сильно интересоваться оросительными предприятиями, его приток просто затормозили бюрократическим путем.

С указанного года начинают поступать миллионные проекты орошения. О них переписываются, говорят, что все это нужно, но, тем не менее, ставят палки в колеса и все время мешают им осуществляться. А причины?

В переписке канцелярии туркестанского генерал-губернатора по этому вопросу имеется очень интересный документ, ярко вскрывающий эти причины. По поводу одного из таких миллионных проектов пишет свое заключение инженер Чиков, а под его точкой зрения подписывается и генерал-губернатор Самсонов¹⁾. Их точка зрения заключается в том, что крупные хлопковые латифундии не нужны и вредны. И мотивы: во-первых, имея в своих руках большие латифундии, промышленники захватят рынок в свои руки и будут господствовать на нем; во-вторых — эти латифундии окончательно разорят дехканство. Последний мотив как будто бы демократический, но совершенно ясно, что вопрос шел не о дехканстве, а о том, чтобы сохранить господство русского торгового капитала. Он существовал и господствовал на базе мелкого дехканского производства. Организация же латифундий, миллионных предприятий угрожала перестроить хозяйство мелкое на крупное, выбить из-под ног торгового капитала ту базу, на которой он держался. «Демократы» Чиков и Самсонов, защищая мелкого хлопкороба, таким образом, охраняли господство торгового капитала.

Латифундии не победили.

Почему не победили, ответить трудно. Является ли главной причиной указанная бюрократическая сопротивляемость государственного аппарата или, быть может, война и революция помешали, но факт остается фактом — латифундии не победили, хлопковое хозяйство не было выведено из тупика и продолжало в своем развитии приближаться к катастрофе.

¹⁾ См. Дело Управления Земледелия и Госуд. имуществ Туркестанского края № 23—913 г. лисг 30. Ср.-Азиатский Архив.

Это обстоятельство важно для нас, поскольку мы ставим здесь вопрос о предпосылках революции 1917 года. Но самый факт наличия сопротивляемости этой, выражаясь современным термином, «индустриализации» хлопководства, подводит нас к вопросу несколько с другой стороны. Он указывает на то, что наличие власти в руках крепостников и торгового капитала в России даже в вопросе эксплуатации колоний, вело к столкновению интересов крупной индустрии и архаических, в данном случае хищнических, форм хозяйствования. Обладание колонией расширяло простор для развития русского капитализма, но в то же время и здесь политика самодержавия ставила пределы этому расширению.

То же самое обстоятельство, но может быть еще ярче, иллюстрируется и на другом противоречии, вытекавшем из той же торгово-ростовщической эксплуатации.

Борьба развертывалась и вокруг ростовщической кабалы, в которую попал средне-азиатский производитель сырья дехканин и скотовод. Положение с производством сырья было настолько угрожающим, что даже граф Пален в своей «Ревизии», ставя вопрос о положении хлопкового хозяйства, приходит к выводу: «Чтобы сохранить Туркестан, как колонию, способную доставлять нужные нам продукты, и как большой рынок для продуктов фабрично-заводской промышленности Европейской России, необходимо вырвать туземное земледельческое население из рук ростовщиков и задаткодателей»¹⁾.

Ростовщические операции русских торговых фирм и их агента — туземного торгового капитала — даже по заявлению автора, не вызывающего у нас никакого подозрения в пристрастности, ставили под угрозу основное, чем был интересен Туркестан для России — возможность получения сырья и рынок для русских фабрикатов. Налицо то же противоречие: интересы торгово-ростовщической эксплуатации Туркестанского края вступают в конфликт с интересами крупного промышленного капитала России. Они ставят предел в использовании колонии в интересах этого последнего.

В литературной дискуссии по поводу ростовщических операций в Средней Азии, имевшей место в 1907 и в начале 1908 г., «либералы» стояли за кредитную кооперацию, которая должна

¹⁾ Отчет о ревизии Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства, ч. 1, отдел 2-й, стр. 532.

бы заменить ростовщичество. Это была линия промышленного капитала России.

Казалось бы, что Пален, признав такую угрозу самым жизненным интересам России, станет тоже на эту же «линию». Оказалось — нет. Он полагал, что «для кооперативного кредита туркестанское население еще не созрело» и порекомендовал расширить старые бюрократические кассы, которые были при уездных начальниках, до таких размеров, чтобы они могли широко обслуживать население. Это был план абсолютно не жизненный. Таким путем решить вопроса было нельзя. Противоречие и после ревизии осталось не разрешенным. Позиция Палена ярко подчеркнула разницу между позицией самодержавия и промышленного капитала. Первое — за сохранение ростовщических операций даже и тогда, когда это влечет за собою потерю Туркестана как колонии, дающей сырье и рынок, второй — за сохранение колонии, за борьбу с ростовщичеством.

В словопрениях промышленный капитал не победил, зато он при помощи банков достиг довольно больших успехов в организации кредитной кооперации вопреки желаниям самодержавия.

Вот данные о росте кредитных кооперативов по краю: в 1909 г. было всего 10 кредитных касс, в 1916 г. мы имеем уже 762.

Вся эта кооперативная сеть была в руках банков. Через нее банки добрались до непосредственного (а не через фирмы) кредитования хлопкороба, и на этом пути достигли довольно больших результатов: в 1912 г. русский Государственный Банк имел розданными населению 27.530.000 руб., русские частные банки 129.182.000 руб. Фирмы от этой цифры далеко отстали. В том же 1912 г. они имели за населением долга около 35 милл. руб.¹⁾.

Последняя цифра, вне всякого сомнения, сильно приуменьшена. Но, если даже допустить, что она была выше в 2 или 3 раза, то и тогда успехи банков остаются очень значительными.

Несмотря на то, что министерство финансов стояло на той позиции, что дело банков кредитовать только крупные фирмы, не распываясь на мелкие операции по кредитованию хлопкороба, несмотря на соответствующие его циркуляры, банки сумели все же обойти торговые фирмы. Кредит теперь, в значительной своей части, идет не через фирмы, а непосредственно населению, хотя и за очень высокий процент. Этот крупный успех можно об-

1) Данные А. Демидова «Экономические очерки хлопководства...»

яснить только тем, что вопрос о борьбе с ростовщическими операциями был вопросом не только о борьбе с операциями русских торговых фирм, но и вопросом — и это главное — о борьбе с ростовщическими операциями туземного торгового капитала. На успехи банков смотрели, поэтому, в значительной мере сквозь пальцы. Борьба русского торгового капитала с туземным его агентом облегчала борьбу капитала промышленного против архаических разрушительных форм эксплуатации туркестанского дехканства.

Но нельзя, конечно, полагать, что успехи борьбы промышленного капитала за кредитную кооперацию принесли облегчение хлопкоробу, ослабили противоречия между эксплуатируемым дехканством и его эксплуататором — русско-туземной торговой буржуазией. Противоречие оставалось в полной силе и прогрессивно нарастало. Кредит дехканину попрежнему стоил чрезвычайно дорого.

Вот данные стоимости этого кредита:

О с л а с т и	Стоимость производства 1 п. хлопка	Стоимость кредита
Ферганская	1,85	2,77
Самаркандская	1,62	2,43
Ташкент	1,82	2,76
Закаспийская	2,00	3.00 ¹⁾

Что такое эта таблица, как не ужасная «музыка». пожира-
ния ростовщиком мелкого производителя?

Ростовщик и скупщик жадно пожирали производителя сырья. Противоречия между интересами развития хлопкового хозяйства и торгово-ростовщической эксплуатации края остались и вели хлопковое хозяйство по тому же пути, к катастрофе. И катастрофа наступила очень скоро — в военные годы, когда в 1915—16 г.г. были введены нормировочные цены на хлопок. Эти цены окончательно лишили хлопкороба возможности воспроизводить свое хозяйство, не растрачивая последних крох своего имущества. Хлопководство стояло перед дилеммой: либо взрыв революции, свержение торгово-ростовщического капитала, либо уничтожение производства. Из восстания 1916 года революции,

¹⁾ М. И. Малаховский. «Материалы для изучения хлопководства». С. П. Б 1912. Данные вычисления финансовой комиссии Гос. Думы.

однако, не получилось. В итоге в 1917 г. получилось и революция, и разорение. Но тем не менее, восстание 1916 г. это не что иное, как взрыв на этом кульминационном пункте развития противоречия между ростовщическим капиталом и мелким дехканским производством, на том пункте, где уже начиналась окончательная гибель хлопководства.

Следующее звено эксплуатации — это эксплуатация при помощи аппарата власти.

Хорошо известный для всякого жившего в Средней Азии до революции факт всеобщего взяточничества туркестанских властей отразился даже в печатной литературе, несмотря на всю заботу цензуры о том, чтобы не печаталось ничего «принижающего престиж» русского чиновника. Можно сослаться на такие документы, как «Ревизия» сенатора Гирса, «Ревизия» Палена, затем брошюра Наливкина «Туземцы прежде и теперь» и др. Даже юбилейный сборник, посвященный «устроителю» края Кауфману, и тот не обходит этого вопроса молчанием. Но особенно яркую картину «первоначального накопления» всякого рода поборами и взятками со стороны туземной и русской администрации туркестанского края дает изучение такого источника как прошения на имя генерал-губернатора по поводу действий местных властей.

Здесь нет, конечно, возможности использовать этот источник во всей его полноте; мы ограничимся, поэтому, только несколькими примерами, взятыми из большого количества примеров такого рода.

Вот типичный герой первоначального накопления — волостной управитель Исфаринской вол., Кокандского у. — Тимур-Хан-Мирза-Салиев. На него подана жалоба в 1913 г. Пока он не был управителем, он был просто «захудалым» содержателем чайханы», а через 9 лет властвования в волости «состояние его в движимом и недвижимом имуществе определяется в несколько сот тысяч руб.».

Вот переводчик уездного начальника Пржевальского уезда Семиречинской области вместе со своим патроном. Он явился в уезд «таким бедным, что не имел даже постели». В год же жалобы на него (1906) он «владеет состоянием слишком на 60.000 рублей. Через своих джигитов Бекена и Акимбека он ежегодно отправляет для продажи в город Ош до 2.000 лошадей и от 3 до 4 тысяч баранов. Кроме того, переводчик занимается

выдачей в ссуду денег кара-киргизам и, в случае неисправности их по уплате долга в срок, поступает с ними очень круто, заставляя поименованных выше двух своих джигитов пред'являть к таким лицам иски, по которым, заручившись решениями третейского суда, производит по ним взыскание с должников со штрафом¹⁾. В книгу третейского суда имеющуюся в уездном управлении, ежегодно заносятся от 20 до 30 решений, касающихся взыскания долгов переводчика».

Его патрон, полковник Иванов, был, видно, не так практичен по части превращения своих доходов в торгово-ростовщический капитал, но жил он, по всем признакам, по-графски.

«Начальник уезда живет здесь на положении холостого человека, истрачивая получаемые им с народа деньги на двух, трех девиц. Кроме того, он ежемесячно высылает по 200 рублей содержанке своей в город Коканд».

Вот участковый пристав первой части города Андижана, который обвиняется во взяточничестве по всякому случаю; вот Ура-Тюбинский пристав, назначивший волостного управителя за взятку в 300 руб. плюс медвежья шкура стоимостью в 40 руб.; вот пристав второй части города Самарканда, получающий с дома терпимости 3.000 рублей в месяц и т. д., и т. д.

Словом, нет никакого сомнения, что «суб'екты» власти были в то же время «суб'ектами» первоначального накопления. При этом, если у русского чиновника эти накопления в большинстве случаев растрчивались «по-дворянски», на жительство «на широкую ногу», то у переводчиков и всей туземной администрации их накопления шли в ростовщичество и торговлю. Из волостных управителей вырастали «миллиончики». Борьба за административные места с колоссальными взятками при выборах шла недаром.

Вся эта эксплуатация через взяточничество и поборы была наихудшим видом эксплуатации. К тому, что сказано выше об административном зажиме и выроставшем отсюда противоречии между негодным аппаратом власти и общественными потребностями, мы теперь можем прибавить, что это противоречие усложнялось еще другим, может быть еще более серьезным противоречием. Аппарат был не просто негоден, он был еще эксплуатирующим аппаратом. Его же эксплуататорский характер еще более

¹⁾ Неправильный оборот речи в подлиннике.

усиливал его негодность. Взяточничество вступало в противоречие с развитием производительных сил, мешало правильному функционированию хозяйственной жизни, правильному ходу экономических сделок. Правильное решение так называемых гражданских дел не было возможно потому, что при всяком споре побеждал не тот, кто прав, а тот, кто даст больше взятку. Взяточный аппарат охватывал все и мешал развитию всего народного хозяйства. И чем дальше рос капитализм в Средней Азии, а в XX веке, накануне революции, он рос очень быстро, тем указанное уже противоречие между «общественными потребностями» и «изжившими себя учреждениями» нарастало все больше и больше. Мимоходом, в добавление к уже сказанному, можно заметить, что особенно пышный расцвет взяточничества в военные годы был второй предпосылкой взрыва дехканско-скотоводческого восстания в 1916 г. И это второе звено эксплуатации тоже совершенно вплотную упирается в революцию.

Итак: аппарат власти в Туркестане был, с одной стороны, аппаратом сугубо полицейским и, с другой—эксплуататорским. Его полицейская «сущность» целиком совпадала с линией интересов русской промышленной буржуазии, но его «сущность» эксплуататорская стояла поперек этих интересов, поскольку и она задерживала развитие Туркестана как колонии, принимала немалое участие в хищническом пожирании хозяйства производителя сырья, и этим самым сужала возможности развития русского капитализма вширь. В этом была объективная предпосылка того, что буржуазия протестовала против взяточничества, возмущалась им.

Кульминационным пунктом этой борьбы буржуазии против взяточничества можно считать прения в IV Государственной Думе, когда обсуждался вопрос о восстании 1916 года. И мелкая буржуазия (Керенский), и городская промышленная буржуазия (кадеты) метали громы и молнии по вопросу о взяточничестве, сосредоточили на этом все свое внимание, обходя, однако, принципиальный вопрос о колониальном господстве. Но дальше такого рода словесных турниров дело никогда не шло. Причиной тому — «охранительная» роль этого аппарата. Нельзя было в интересах той же буржуазии требовать разрушения этого аппарата и создания нового, ибо эта операция могла привести к выпадению Туркестана-колонии из рук не только буржуазии торговой, но и буржуазии промышленной.

Между тем, вопрос шел именно о разрушении системы. Взятничество систематически прикрывалось при расследовании жалоб. Как правило, дела в таких случаях всегда запутывались следствием и вели к заключению: «жалоба ложная». Генеральным укрывателем был сам «ревизор» края граф Пален, положивший под сукно все многочисленные прошения, поступавшие к нему, и заявивший в «Ревизии», что взятки берут только чины туземной администрации, а русские чиновники бедны, живут скромно и ни в чем не замешаны.

Буржуазия не ставила вопроса о разрушении этой системы и этим самым показала, что не она является той силой, которая может решить революционную задачу разрушения эксплуататорского аппарата царской власти в Туркестане.

Переходим к вопросу о колонизации Средней Азии русскими крестьянами.

Охранительные цели колонизации, связанные не только с политикой внутренней, но и с внешней, уже выше отмечены. На всем протяжении истории русского господства в Средней Азии этот вопрос стоял неизменно. Начиная с конца 60-х годов, когда был основан первый русский поселок в Семиречье и до самой февральской революции, вопрос о насаждении русских поселков, как опоры русского владычества в Средней Азии, не снимался. Иначе обстояло дело с другой стороной колонизации, той стороной, которую можно назвать вопросом о «выселении» крестьян из России.

Выход крестьян из России в той или иной степени ослаблял противоречие между помещиками и крестьянством в их исконной борьбе за землю. Но до самого конца XIX века, пока указанное противоречие еще не доросло в своем развитии до широкой революционной борьбы крестьянства, помещик был против выхода русских крестьян из России, он пытался зажать нараставший процесс движения на окраины переселенцев-самовольцев.

Самовольцы, однако, двигались и если они, или туркестанские чиновники для них, отнимали землю у туземцев, и этим самым разоряли туземное население, то этому причиной было то обстоятельство, что несмотря на существование закона об этапном возвращении в Россию всех самовольцев, из этих последних старались создавать русские поселения по стратегическим дорогам, как опору для русского господства. Словом, противоречие между процессом движения переселенцев, с одной стороны, и интересами туземного дехканско-скотоводческого населения, с другой, в XIX

веке было ничем иным как противоречием между «охранительной» политикой царизма и интересами дехканско-скотоводческой массы.

Совершенно другое положение создалось в XX веке, когда помещик под напором крестьянских восстаний решительно переменил позицию «против» выселения на позицию «за». Тогда всю широту встал вопрос об изъятии возможно большего количества земель у средне-азиатского дехканского и, в первую очередь, скотоводческого населения, чтобы выселить из России возможно больше крестьянских семей, чтобы этим самым возможно полнее использовать Туркестан-колонию для ослабления в России противоречия между интересами крестьянства и помещиков. Теперь уже все больше и больше нараставшее противоречие между крестьянской колонизацией края, разрушавшей хозяйство скотовода и дехкана, и интересами этих последних было прямым противоречием между интересами русского помещика и интересами дехканско-скотоводческой массы туркестанского края.

Колонизация шла по той же линии пожирания самостоятельных хозяйств туркестанских мелких производителей дехканско-скотоводов. В совокупности с «аппаратной» и торгово-ростовщической эксплуатацией она делала то же самое дело. Ослабление остроты противоречия «между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни», происходившее вследствие переселения русских крестьян в Среднюю Азию, превращалось на другом конце пути переселявшихся в обострение этого противоречия: русской колонизацией разрушалось хозяйство производителей сырья и рынок для русских фабрикатов.

Понятно, что промышленный капитал должен был протестовать и против этого ограничения его возможностей расширения вширь и он протестовал. Даже сам Витте, мы уже не говорим о кадетах, был против колонизации Туркестана русскими крестьянами. Борьба буржуазии, однако, не приводила ни к каким результатам, колонизация продолжалась, земли изымались. Это было торжеством интересов помещичьей России над интересами промышленной буржуазии.

Только один вид колонизации не вызывал возражений со стороны промышленного капитала — это переселение крестьян на вновь орошаемые русскими капиталистами земли в качестве арендаторов или превращение переселенцев в рабочих на вновь открываемых промышленных предприятиях.

Но такая струя колонизации почти не имела места. Оросительные предприятия провалились, переселение на них крестьян осталось простым проектом. Фабрики русскими промышленниками в Туркестане не открывались — снабжение этих фабрик рабочими из русских крестьян-переселенцев осталось только мечтой Витте и Милокова.

Только в Хоросанской провинции за персидской границей, куда одновременно проникали и русские переселенцы и русские захватчики персидских земель, эти последние использовали переселенцев в качестве арендаторов своих вновь образованных имений. Понятно, что споров между промышленниками и помещиками в этом вопросе быть не могло.

Мы рассмотрели, таким образом, узел противоречий между русскими господствующими классами, создавшийся в Средней Азии. Обладание Туркестаном-колонией расширяло возможности развития русского капитализма вширь, отдаляя этим самым буржуазную революцию в России. Но русское же господство в Туркестане порождало такие противоречия, которые и здесь ставили границы развитию того же русского капитализма, как, добавим, и капитализма в Средней Азии. Разрешение разобранных трех противоречий составляло задачу колониальной буржуазно-демократической революции. Но поскольку все эти противоречия были не только противоречиями между интересами развития народного хозяйства в Средней Азии и русским колониальным господством, но также и противоречиями между растущим в России капитализмом и «архаическими учреждениями в сельском хозяйстве», постольку буржуазная национально-освободительная революция в Средней Азии превращается в звено буржуазной революции в России. Революционное разрешение задач национально-освободительной революции в Средней Азии превращается в один из моментов разрешения основного противоречия между крепостничеством и капитализмом в России.

Естественно является отсюда вопрос о движущих силах колониальной революции в Туркестане. Этот вопрос решается разбором третьего узла перечисленных выше противоречий, противоречий между отдельными классовыми группировками поработанных народностей.

Все три вида описанной выше колониальной эксплуатации были ничем иным, как хищническим пожиранием хозяйств мелких производителей дежкан и скотоводов. Ясно, что в результате это-

го пожирания должно было катастрофически расти расслоение. И оно росло: герои первоначального накопления делали свое дело.

Вот примеры, иллюстрирующие это расслоение к концу колониального господства.

По 11 долинным волостям оседлого района, обследованным Паленом в 1909 г. было: безземельных 1,12% хозяйств, имевших удобн. земли от 0 до 1 дес.—36,26%, от 1 до 5 дес.—47,04%; свыше 5 дес.—15,58% хозяйств.

Для Казакстана берем расслоение по скоту. Вот, например, Верненский (Алма-Атинский) уезд. Там в 1912—13 году было: без скота 1,2% хозяйств, имевших скот: от 0 до 3 единиц — 17,2%, от 3 до 50 единиц—75,9%; свыше 50 един.—57% хозяйств.

В последней группе 47 хозяйств имели даже свыше 200 единиц скота¹⁾.

То же и для Киргизии. Данные по южной части Ферганской области — киргизское хозяйство Ошского, Скобелевского и Кокандского уездов. Там было в 1913 году: безлошадных 15,2% хозяйств, имевших от 1 до 5 лошадей 65,0%, имевших от 6 до 13 лошадей 14,7%, имевших от 14 до 22 лошадей 3,6%, имевших от 23 лош. и более 1,5% хозяйств.

В последней группе 13 хозяйств (на 8.875) имели свыше 50 лошадей.

Вместе с тем быстро разрушалось натуральное хозяйство и росли денежные отношения.

По данным Юфорова в бюджете ферганского хлопкороба денежная часть достигала 77%. Значительно слабее было втянуто в товарооборот кочевое и полукочевое киргизское и казакское хозяйство, но и здесь товарность была достаточно высока. По данным обследования переселенческого управления денежная часть дохода у средних по достатку хозяйств в обследованных уездах Семиречья колебалась от 36,5 до 43,8%, в Чимкентском же уезде у казаков (киргиз) она равнялась 34,8% и у узбеков—34,5% (цифры средние).

Совершенно ясно, что рост расслоения и рост денежных отношений должны были порождать и отношения эксплуатации в самом строе дехканского и скотоводческого хозяйства. Их и нужно рассмотреть, чтобы уяснить себе характер классовых противоречий внутри поработанных народностей.

¹⁾ Скот взят в переводе на крупный.

При одновременном подъеме техники хозяйства мы вправе были бы ожидать роста вольного найма, т.е. роста промышленного капитализма. Но мы уже констатировали, что техника хозяйства не подымалась. Это было причиной того, что одновременно росли два вида отношений эксплуатации: во-первых, вольный наем (капитализм) и во-вторых, на ряду с ним — чайрикерство, своеобразный тип издольщины. Его иначе нельзя квалифицировать как полукрепостничество.

Соперничество чайрикерства и капиталистического найма видно из следующих данных:

Процент хозяйств, обрабатывающих землю с помощью:

	Чайрикеров (издольщи- ков)	Мардекеров (батраков)
11 долинных волостей по ревизии Палена .	14,65	15,77
4 кишлака Андижанского уезда по данным Юфорова	17,40	33,92

В полукочевых и кочевых районах тоже рос вольный наем. Процент хозяйств, прибегавших к вольному найму, по данным обследования переселенческого управления, был (взято для примера): в Верненском у. 15,73, в Пишпекском 52,10, Аулиятинском 19,50, Наманганском 11,65, южная часть Ферганской области—13,59.

В то же время и здесь, хотя и неизмеримо слабее, развивалась издольщина. Наманганский уезд, например, имел 14,3% хозяйств, прибегавших к издольной вспашке земли. Были здесь, однако, и такие уезды, как Казалинский, где только 0,59% хозяйств пользовались издольщиной при 12,53% хозяйств, прибегавших к вольному найму.

Группы по размерам землевладения	Процент хо- зяйств, нанима- вших рабочих	Среднее число годовых и сро- ковых рабочих на 1 хоз-во
1. Безземельные	—	—
2. Владеющие до 0,5 дес.	0,33	1,0
3. » от 0,51 до 1 дес.	2,07	2,0
4. » » 1,01 » 2 »	4,26	2,0
5. » » 2,01 » 3 »	12,52	2,2
6. » » 3,01 » 5 »	15,31	2,3
7. » » 5,01 » 10 »	23,88	2,5
8. » свыше 10 дес.	45,00	3,1

Приведем несколько примеров для иллюстрации того, как вольный наем нарастал в высших по достатку группах.

Вот данные по 11 долинным волостям оседлого района, обследованным ревизией Палена.

По этой таблице рельефность картины значительно сглаживается, потому что здесь не подсчитаны человекодни нанятых рабочих. Для дополнения приведем, поэтому, следующие данные «Бюджетов 45 хозяйств Ферганской области».

Группы хозяйств	Человекодней посторонних работников, нанятых хозяйствами за год (на 1 обследованное хозяйство)
1. Сеющие до 13 танапов ¹⁾	46,8
2. » от 13,1 до 19,2 т.	62,01
3. » » 19,3 » 27,7 »	56,12
4. » » 27,8 » 36,6 »	98,68
5. » » 36,7 » 54,8 »	237,58
В среднем	100,26

Здесь высшая группа гораздо более рельефно выделяется от средняцких групп. Это доказывает, что если бы и «Ревизия» Палена дала подсчет человекодней, ее показатели были бы гораздо рельефнее.

Для иллюстрации распространенности найма в казакских районах возьмем данные по Алма-Атинскому (Верненскому) уезду по обследованию 1912—13 г.г.

Группы хозяйств по скоту (в переводе на крупный)	В среднем на одно нанимавшее хозяйство	
	Общее число наемн. рабочих	В том числе годов. рабочих
1. Без скота	—	—
2. Имевшие от 0 до 3 един. скота	0,3	0,2
3. " " 3 " 50 "	1,1	0,9
4. " " 50 " 200 "	2,0	1,7
5. Свыше 200	11,1	8,1
В среднем	1,4	1,2

¹⁾ Танап около $\frac{1}{6}$ десятины.

Все эти примеры достаточно показательны для того, чтобы оставить вне всякого сомнения положение, что капитализм в Средней Азии к революции 1917 г. сделал большие успехи. Их преувеличить довольно трудно.

Ну, а как, спрашивается, было распространено чайрикерство по группам хозяйств по достатку?

Оставим без разбора этот вопрос по отношению к кочевым и полукочевым районам, поскольку там чайрикерство развито было слабо, что же касается оседлых районов, то это будет видно из следующей таблицы:

11 долинных волостей, обследованных Паленом				4 кишлака Андижанского уезда			
Группы хозяйств по землевладению	% хозяйств с чайрикерскими	% хозяйств с мардекерскими	% х-в экпл. чужой труд вообще	Группы хозяйств по посеву:	% хозяйств с чайрикерскими	% хозяйств с мардекерскими	% х-в экпл. чужой труд вообще
I. Безземельн.	—	—	—	I. Без посев.	—	—	—
II. Владеющие: до 2 д. земли.	7,05	9,90	16,95	II. С посевом до 5 танал.	8,2	15,5	23,7
III. От 2,01 до 10 дес.	18,01	19,30	37,31	III. С посевом от 5 до 10 тан.	11,49	40,2	51,51
IV. Больше 10 д.	41,14	21,05	62,19	IV. С посевом от 10 до 20 тан.	17,48	50,3	67,51
				V. С посевом свыше 20 т.	57,89	33,9	91,79
	14,65	15,75	30,42		17,40	33,92	51,32

Мы имеем очень интересную картину: распространенность вольного найма по направлению к зажиточным группам нарастает гораздо медленнее, чем распространенность чайрикерства.

Этим обстоятельством, прежде всего, объясняется тот факт, что из приведенных выше цифровых примеров о капиталистическом найме наиболее рельефным оказался пример Алма-Атинского уезда. Особенно широко развитое в оседлых районах чайрикерство, хотя и не могло снизить процент хозяйств, прибегающих к вольному найму (там он вообще был значительно выше, чем в других районах), зато оно сильнейшим образом снижало количество того труда (считая, в среднем, на одно нанимающее хозяйство), который эксплуатировался как труд вольнонаемный. Причиной этому то, что высшие по достатку группы, применявшие наибольшее количество постороннего труда в своем хозяй-

стве, были, прежде всего, крепостники и только во вторую очередь наниматели вольной рабочей силы.

С другой стороны, этот же факт великолепно иллюстрирует положение, что архаические формы производственных отношений — издольщина, крепостничество — задерживают развитие капитализма в сельском хозяйстве. Таким образом, чайрикерство, вырвавшееся на низкой технической базе, консервированной всеми видами колониальной эксплуатации, в свою очередь, как и эти последние, становилось на пути развитию производительных сил сельского хозяйства края.

Носителем этих архаических производственных отношений был тот же бай, герой первоначального накопления, ростовщик и скупщик, агент русского торгового капитала. Капитализм в сельском хозяйстве скорее вырастал из высших групп середняцкого хозяйства, чем из хозяйства заведомых ростовщиков-баев.

Из всего сказанного следует, что проблема буржуазной революции в Средней Азии сводилась к тому, чтобы освободить в сельском хозяйстве сильные ростки капитализма от всех описанных выше видов колониальной эксплуатации и от крепостничества, выраставшего из этой эксплуатации.

От февраля 1917 года вплоть до земельной реформы 1925—26 г.г. как раз и шел, в известной последовательности, процесс разрешения обрисованных задач буржуазно-демократической революции. Здесь, во-первых, был разрушен царский эксплуататорский аппарат власти, во-вторых, уничтожен аппарат торгово-ростовщической эксплуатации, в-третьих, земельной реформой было в корне подорвано и чайрикерство.

Несколько особо стоит переселенческий вопрос. Сама по себе колонизация была в то же время и насаждением капиталистического хозяйства русских переселенцев. Здесь не было противоречия между вообще колонизацией и вообще растущим капитализмом. Было только противоречие между капитализмом, растущим из киргизского, казакского и узбекского хозяйства, и русской колонизацией. По линии этого последнего противоречия — поскольку оно имело место — и прекращение колонизации можно и должно ставить в ту же цепь революционных задач, т.-е. в цепь, которая сводилась к одному — к расчистке путей для развития капитализма.

Основной движущей силой революции при решении этих революционных задач оказались русско-туземный пролетариат и туземное дехканство и скотоводы, как классы, заинтересованные

в наиболее последовательной очистке Туркестана от всего наследия русского господства.

Глубокая спайка туземной торговой буржуазии с интересами русского господства уже с первых дней революции отбросила ее по ту сторону баррикад. В противовес рабоче-дехканской советской власти, приступившей к последовательному решению революционных задач, она выдвинула «Кокандскую автономию» и басмачество.

Зародыши туземной либеральной интеллигенции раскололись. Ее левая часть подчинилась гегемонии пролетариата: часть джадидов, ее представителей, влилась в коммунистическую партию. Ее же правая часть ушла к басмачам.

Наличие разногласий по вопросам колониальной политики в Туркестане между помещичьим самодержавием и промышленной буржуазией не могло привести к ликвидации колониального господства России в Средней Азии в период, когда власть была в руках буржуазии, ибо эти разногласия шли не по вопросу о сохранении или ликвидации господства, а только по вопросу о некоторых поправках в колониальной политике.

Описанная расстановка классовых сил в национально-освободительной революции неизбежно влекла за собой перерастание: во-первых, национально-освободительной борьбы пролетариата и дехканства против русского помещика и торгового капитала в борьбу против русского империализма, во-вторых, всей этой борьбы против русских господствующих классов в борьбу против туземной торгово-ростовщической буржуазии, а далее и в борьбу за строительство социализма.

Итак:

На вопрос: что принесло Туркестанскому краю скрещение на нем противоречия между Россией и Англией, мы отвечаем: усиление полицейского зажима.

На вопрос: кто был главным хозяином в крае в эпоху русского господства, отвечаем: русский торговый капитал и помещики. Промышленный и финансовый капитал эксплуатировали край в основном при посредстве капитала торгового. Колониальная политика этого последнего вела к некоторому ущемлению интересов промышленной буржуазии. Из этого вырастала соответствующая борьба вокруг основных вопросов этой политики.

На вопрос: что принесло русское господство народам Средней Азии, отвечаем: во-первых, административный и культурный гнет и во-вторых, следующие три вида колониальной эксплуатации: эксплуатация через скупку и ростовщичество, эксплуатация через аппарат власти и, наконец, эксплуатация через грабеж земель для русских поселений. По всем этим трем линиям интересы развития производительных сил края уперлись в русское господство. Отсюда и вопрос о революционных задачах решается так, как он только что поставлен.

На вопрос о характере революции 1917 г. в Средней Азии отвечаем: это была буржуазно-демократическая, национально-освободительная революция. Гегемония русско-туземного пролетариата в этой революции обеспечила ей перерастание в революцию социалистическую, поскольку существовали к этому минимально достаточные предпосылки в самом строе хозяйства Средней Азии. Смычка революции в Средней Азии с революцией в России и помощь всесоюзного пролетариата обеспечивает хозяйству края сейчас некапиталистический путь развития—строительство социализма.

П. Г. Галузо.